

СВОИМ ПУТЕМ

ДВА новых сочинения — «Джордано Бруно» С. Кортеса и «Седая легенда» Д. Смольского — своеобразная визитная карточка выступающего в Москве Театра оперы и балета Белорусской ССР. Начав с них свой показ, минские артисты со всей определенностью заявили об активной работе над современным репертуаром, о прочных контактах с национальными авторами. И С. Кортес, и Д. Смольский впервые выступили на оперной сцене, хотя в портфеле у каждого уже значительный творческий багаж. Оба тяготеют к вокально-инструментальной музыке и накопили в этой области большой опыт. Но этим, пожалуй, и исчерпывается их общность — по складу дарования, по стилю музыки Кортес и Смольский очень отличаются друг от друга.

«Джордано Бруно» — произведение необычное по замыслу и форме. Это скорее не опера, а театрализованная оратория.

Черты ораториальности сразу выступают в свои права: необычная функция хора; расположенный по обеим сторонам сцены, он вслушивается в слова героев, комментирует их (хормейстеры А. Когадеев, Г. Луцевич). Необычна для оперы и роль чтеца, который, не входя в контакт с персонажами, присутствует на сцене. В его устах звучат выдержки из биографии героя, он зачитывает материалы судебного процесса над великим ученым и, по мысли авторов, выражает мнение о происходящем от лица наших современников.

Обратившись к теме подвига Джордано Бруно, С. Кортес ограничил ее рамками морально-нравственных проблем. В опере, по существу, мало действия, и основное внимание обращено на раскрытие внутреннего мира героя. Значительное место в произведении занимает размышление о долге, о совести, о чести, ведущих человека к самопожертвованию во имя торжества истины.

Содержательная работа по-

становщика С. Штейна воплощена в «Джордано Бруно» прежде всего в естественной и правдивой сценической игре. Такова уж участь режиссера, обреченного в своей деятельности растворяться в певце, в актере. Ведущие тенора белорусского театра А. Дедик и В. Ивановский рисуют Бруно человеком большой душевной широты; они наделяют его страстностью борца, а вместе с тем и поэтичностью, открытостью ко всем проявлениям красоты. Магистр (основной оппонент Джордано в его раздумьях) у М. Зданевича и А. Локшина — человек большого ума, осознающий силу учения своего противника. Нунций (В. Гурьев) однозначен в своей ненависти к Бруно, сенатор Фоскари (А. Савченко) противопоставляет активной позиции Бруно идеал помещика нейтралитета и жизненного благополучия. В создании прочного музыкального ансамбля, в многокрасочности раскрытия партитуры произведения несомненна заслуга главного дирижера театра Я. Вощака.

Двойной состав исполнительный дал возможность наблюдать выступления в одной роли людей разных поколений. И надо сказать, молодые певцы оказались достойными партнерами своих старших товарищей.

Музыка Д. Смольского в «Седой легенде» не претендует на новизну формы и выдержана в классических традициях, что, естественно, потребовало и иных средств сценического выражения. Обратившись к трагической истории любви магната Романа к крестьянской девушке Ирине, Д. Смольский нашел яркие характеристики героев, создал сеть лейтмотивов, развивающихся в приятные, напевные темы. В них ощущается связь

с белорусским фольклором. С первого же действия автор оформления Ю. Тур стремится передать локальный колорит, воспроизвести детали пейзажа, подробности обстановки замка, старинных костюмов. Скромные и вместе с тем выразительные декорации создают поэтический облик спектакля, в котором много света, контрастов.

И в этой постановке участвуют А. Дедик, В. Ивановский, по-разному исполняя роль Романа (Дедик — с динамичкой и силой, Ивановский — с большей проникновенностью и лиризмом). Т. Печинская создала впечатляющий образ коварной и властной Любки — соперницы героини. В партии Ирины мы встретились с молодой одаренной артисткой Н. Козловой и с певицей уже опытной — И. Шкуновой (дирижирует оперой В. Мошенский).

Четыре остальных спектакля посвящены русской и зарубежной классике («Борис Годунов» Мусоргского, «Дон Жуан» Моцарта, «Лознгрин» Вагнера, «Дон Паскуале» Доницетти).

На протяжении двух последних лет оперу «Борис Годунов» М. Мусоргского привозили в Москву театры Ленинграда, Саратов. И вот еще одна трактовка бессмертного творения. Для каждого коллектива, выступавшего в Москве, стало как бы долгом чести показать «своего» «Бориса» на лучшей сцене страны, где эта опера в исполнении корифеев русской певческой школы стала эталоном мастерства советского музыкально-сценического искусства. Театр исполняет оперу в инструментовке Д. Шостаковича, декларируя свое желание ставить «подлинного» Мусоргского.

Оценочную ценность спектакля мычан составляют актерские работы ведущих солистов

и хора. В образе Бориса М. Зданевич — обладатель красивого, гибкого баса, убеждает человечностью, глубиной чувств, силой трагизма переживаний. Динамичен, темпераментен в роли Самозванца А. Дедик. Его дуэт с Мариной Мнишек — С. Данилюк — одна из эмоциональных вершин постановки. Увлеченно живут на сцене В. Гурьев (Шуйский) и В. Смыкалов (Юродивый).

В «Борисе Годунове» сказали свое веское слово представители старшего поколения артистов, многих из которых москвичи запомнили по предыдущим гастролям семилетней давности. Выступавший тогда в роли царя Додона В. Чернобаев ныне талантливо и увлеченно играет Варлаама, второй исполнитель Додона — М. Дружина на сей раз выступил в партии Пимена, обнаружив незаурядный талант перевоплощения. Полноправный участник спектакля — хор, поющий в широкой амплитуде динамических и тембровых оттенков. Он не только участник действия, но вершитель истории — таким его показывают в массовых сценах режиссер С. Штейн и художник Е. Чемодуров.

Из трех сочинений западноевропейской классики, продемонстрированных в Москве, основное и принципиальное значение приобретает «Лознгрин». Начиная со вступления к опере, слушателей захватывает атмосфера искреннего увлечения музыкой Вагнера. Кажется, что по-иному зазвучали в оркестре струнные, с особой сложностью, красотой полились голоса духовых... Дирижер Т. Коломийцева смогла заразить исполнителей своим энтузиазмом. В этот вечер с особым подъемом выступили С. Данилюк (Ортруда), и И. Шкунова (Эльза), и А. Дедик (Ло-

знгрин), и И. Сорокин (граф фон Тельрамунд). Знаменательно, что спектакль поставлен белорусскими артистами в содружестве с режиссером К. Фиртелем и художником Б. Шретером из ГДР. Работы наших немецких друзей отличаются мудрой практичностью, ясностью и строгим стилем. На сцене нет ничего лишнего, что могло бы отвлекать от пения, от актера. Красива и строга ласкающая глаз гамма костюмов. Контуры стен и башен средневекового замка созвучны атмосфере величия и значительности, господствующей на сцене.

Гастроли белорусской труппы еще раз подтвердили уже давно сложившееся мнение об этом театре, как о коллективе больших творческих возможностей, имеющем свое собственное лицо и свой постановочный почерк. Среди черт, особенно дорогих всем истинным любителям музыки, — умение «открывать» редко идущие произведения классики. Вспомним о том, что минский театр впервые поставил в стране «Орестею» С. Танеева, «Страшный двор» С. Моноухова. В 60-х годах он смело обратился к «Отелло» Верди, а сейчас порадовал столичную аудиторию вдохновенным исполнением «Лознгрин».

Но основа перспектива каждого коллектива — в работе с современными авторами. Рождение белорусской труппы связано с возникновением первой национальной оперы, повествующей о борьбе за Советскую власть. Театр не забывает об этом и, как показали гастроли, продолжает активно сотрудничать с минскими авторами. Хочется, чтобы коллектив, обратив свой взор к современной теме, создал талантливые произведения о наших днях, о наших людях.

Р. ШАВЕРДЯН.